

РР-Б - 503322

P1
M-52

А.

+ Op 91

ЗАПИСКИ

ДМИТРИЯ БОРИСОВИЧА

МЕРТВАГО

1760—1824.

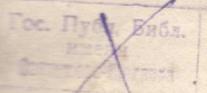
ИЗДАНИЕ РУССКАГО АРХИВА.

Оренбургская областная
библиотека им. Н. К. Крупской

МОСКВА.

Въ Типографіи Грачева и Комп. у Пречистенскихъ воротъ, д. Миляковой.

1867.

Обм. 9687.

РФБ 503322

Р1

М52

ПЯТИЛА

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

ВОСПОМИНАНИЕ С. Т. АКСАКОВА О ДМИТРИИ БОРИСОВИЧЪ МЕРТВАГО.

(Письмо къ В. П. Безобразову).

М. г. Владіміръ Павловичъ! Вы прошли меня, чтобы я сообщилъ вамъ все то, что было лично мнѣ известно при моихъ сношенияхъ съ покойнымъ Д. Б. Мертваго: исполняю очень охотно ваше и мое собственное желаніе. Едва ли кто нибудь изъ читателей могъ такъ обрадоваться появленію въ печати „Записокъ Дмитрія Борисовича Мертваго“ (*), какъ обрадовался я, для которого это было совершенна неожиданностію. Мнѣ и въ голову не входило, что онъ оставилъ послѣ себя „Записки“. Прибавить какую нибудь черту къ этимъ „Запискамъ“ я считаю за счастіе. Многоважаемая память моего покойнаго крестнаго отца, въ обширномъ и строгомъ смыслѣ честнѣйшаго человѣка, котораго вся жизнь была борьба правды и чести съ ложью и подлою корыстью, постоянно жила и живеть въ моей душѣ. Его „Записки“ безъ сомнѣнія будутъ драгоценными пріобрѣтеніемъ для всей читающей образованной публики. „Биографическое свѣдѣніе“ (**) обѣ авторѣ Записокъ, составленное братомъ его, С. Б. Мертваго“, написано совершенно безпристрастно, не смотря на горячую, всѣмъ известную, взаимную дружбу обояихъ братьевъ. Оно имѣть одинъ недостатокъ — краткость.

Съ тѣхъ поръ, какъ я началъ себя помнить, я помню, что Дмитрій Борисовичъ, мой крестный отецъ, бывалъ

(*) Говорится о первой главѣ Записокъ, появившейся въ Русскомъ Вѣстнику 1857 г. П. Б.

(**) Оно напечатано здѣсь, на стр. 1-й. П. Б.

у насъ въ домѣ очень часто, во все время пребыванія моего семейства въ Уфѣ. Въ 1797-мъ году, мы перѣехали на житѣе въ деревню, а Дмитрій Борисовичъ еще прежде оставилъ Уфу и поступилъ въ Петербургъ на новую службу. Не смотря на мой дѣтскій возрастъ, я очень замѣчалъ, да и другіе говорили, что мой крестный отецъ не такъ ласковъ ко мнѣ и не такъ занимается мною, какъ другіе друзья или короткіе наши знакомые. Къ этому замѣченію обыкновенно прибавляли, что онъ не любить маленькихъ дѣтей, особенно такихъ, которыхъ родители балуютъ. Я самъ, не одинъ разъ, слышалъ, какъ Дмитрій Борисовичъ подтрунивалъ и подшучивалъ надъ моей матерью, говоря, что „она не любить, а обожаетъ своего сынка“, и у меня поселилось непріятное чувство къ моему крестному отцу; но это не мѣшало мнѣ замѣчать, что онъ былъ вѣющими любимъ и уважаемъ, что всѣ слушали его остроумные и веселые разговоры съ необыкновеннымъ вниманіемъ и удовольствіемъ, и что всѣ называли его „душой компаніи“. Я тогда еще слыхалъ отъ моихъ родителей, что Дмитрій Борисовичъ, не только самъ честный человѣкъ, но и другихъ принуждаетъ быть честными.

Разѣхавшись въ разныя стороны, мы не видались нѣсколько лѣтъ, и я уже забылъ моего крестнаго отца, какъ вдругъ пришло известіе, что Дмитрій Борисовичъ Мертваго вышелъ въ отставку и пріѣхалъ въ „Старую Мертвов-

шину" къ своей матери и сестрѣ, ко-
торыя жили отъ насъ въ 30 верстахъ.
Марья Михайловна Мертваго, его мать,
изъвѣзовалась необыкновеннымъ уваже-
ниемъ отъ всѣхъ своихъ сосѣдей и всѣхъ
знакомыхъ; она считалась женщиной
великаго и политичнаго ума; дочь ея,
Батерина Борисовна Чичагова, была
пружна съ мою матерью, да и мужъ
ея, П. И. Чичаговъ, любилъ все наше
общество. Черезъ нѣсколько дней мы
въехали въ Мертвщину, и мать всю
дорогу твердила мнѣ, чтобы я не ди-
чалась и не игралъ бы въ молчанку, по-
тому что она желаетъ, чтобы мой крест-
ный отецъ увидѣлъ во мнѣ умненья-
чика, довольно образованнаго для
своихъ лѣтъ, а не деревенскаго неу-
чы. Такія слова не прибавили мнѣ бодрости,
а еще болѣе меня смущили. Представляя
дѣду Дмитрию Борисовичу, мать сказала,
что я его помню, люблю, уважаю и до-
могу тѣмъ, что онъ мой крестный отецъ,
въ этихъ словахъ было мало правды;
стало неловко, я покраснѣлъ и мол-
чалъ. Дмитрий Борисовичъ, погладивъ
меня по головѣ, сказалъ: "А, какой
молодецъ выросъ!" и потому уже не
 обращалъ на меня ни малѣйшаго вни-
манія. Матери моей это было очень до-
лано: какъ это ея сынокъ, такой книж-
ный чтецъ и декламаторъ Сумароков-
скихъ трагедій, а подчасъ говорунъ,
умѣетъ разинуть рта передъ сво-
имъ крестнымъ отцомъ, важнымъ (быв-
шимъ) Петербургскимъ чиновникомъ и
человѣкомъ, который можетъ
подумать, что она не дала сыну никако-
го образования! Она не вытерпѣла и
черезъ нѣсколько времени, обратясь ко
мнѣ, сказала: "Что это ты все молчишь,
Сережа? Крестный отецъ подумаетъ, что
ты глупъ." Я покраснѣлъ еще болѣе, а
Дмитрий Борисовичъ, изъ шутлиаго и
веселаго разговора, вдругъ перешелъ
въ серьезный тонъ, и быстро взгля-
нулъ на меня, строго сказавъ: "Не слу-
ши, Сережа, своей матери! Никогда не
зашивайся въ разговоры старшихъ,
и тогда тебя не спросятъ!" Это не при-
несло моего расположенія къ крестно-

му отцу; но на этотъ разъ я былъ ему
благодаренъ: мать уже не принуждала
меня разговаривать. Мы прожили въ
Мертвщинѣ еще два дня. Родныхъ и
сосѣдей съѣхалось туда такое множест-
во, что негдѣ было помѣщаться; Петер-
бургской гость очаровывалъ всѣхъ, ста-
рыхъ и молодыхъ, особенно дамъ и дѣ-
вицъ, своею ласковою любезностью. Онъ
былъ очень хороши собою, хотя въ это
время небольшая лысина уже свѣтилась
на его головѣ; его называли даже кра-
савцемъ, но при томъ говорили, что у
него женская красота; онъ немножко
пришепетывалъ, но это не мѣшало прі-
ятности его рѣчей, и нѣкоторыя дамы
находили, что это даже очень мило. Онъ
былъ постоянно веселъ, шутливъ, остро-
уменъ безъ колкости. Я слышалъ,
что ему отдавали преимущество передъ
Петромъ Ивановичемъ Чичаговымъ, ко-
торый также былъ въ обществѣ необык-
новенно веселъ и остроуменъ, но мѣт-
кія эпиграммы не рѣдко срывались съ
его языка.

Дмитрий Борисовичъ всегда оказывалъ
своей матери глубокую почтительность
и нѣжность. Сестрѣ своей, К. Б. Чи-
чаговой, брату Степану Борисовичу, а
также и зятю, онъ былъ другъ, въ на-
стоящемъ значеніи этого слова; даже
третьему брату, Ивану Борисовису, ко-
торый уже нѣсколько лѣтъ имѣлъ не-
счастіе потерять разсудокъ (отъ безна-
дежной любви, какъ мнѣ говорили), по-
казывалъ онъ такое нѣжное вниманіе,
такъ заботился о немъ, что Марья Ми-
хайловна, со слезами благодарности къ
Богу, при мнѣ говорила о томъ моей
матери.

Дмитрий Борисовичъ, обѣзжая всѣхъ
родныхъ и сосѣдей, разумѣется вмѣстѣ
съ матерью, сестрой и зятемъ, гостилъ
вездѣ по нѣсколько дней — чтѣ было
тогда въ общемъ обыкновеніи — а у
насъ прожилъ онъ съ своимъ семействомъ
цѣлую недѣлю. Тутъ я разсмо-
трѣль поближе своего крестнаго отца,
и не смотря на свою дѣтскость, безсо-
знателно почувствовалъ глубокое ува-
женіе къ высокимъ качествамъ его ума и

сердца. Черезъ нѣсколько времени онъ уѣхалъ въ Крымъ, опять на новую службу, и я до 1808 года его не видѣлъ.

Въ 1808 году я нашелъ въ Петербургѣ своего крестнаго отца уже женатымъ, постарѣвшимъ и перемѣнившимся. Беззаботной веселости въ немъ уже не было. Онъ служилъ тогда генераль-привиантмейстеромъ, и хлопотливая, тяжелая эта должностъ, казалось, очень его озабочивала. Въ послѣдствіи я узналъ, что находились другія причины, отъ которыхъ служба была для него такъ невыносимо-тяжостною. Неподкупная его честность была извѣстна всѣмъ; но не всѣмъ, можетъ быть, было извѣстно, до какой строгости и чистоты возводилась эта честность во всѣхъ его служебныхъ отношеніяхъ: могъ ли такой человѣкъ не имѣть «раговъ по службѣ».. Онъ встрѣтилъ мое семейство, какъ старинный другъ, а меня, если не такъ ласково, какъ желалось моей матери и уже мнѣ, то, покрайней мѣрѣ, очень внимательно; много раѣспрашивалъ меня о Казани, объ университѣтѣ, о службѣ, въ которую я намѣревался поступить, — но я никакъ не могъ замѣтить, доволенъ ли онъ мною или нѣтъ? Онъ приказалъ только, чтобы я ходилъ къ нему каждую недѣлю.

Первый мои посѣщенія, послѣ отѣзда изъ Петербурга моего семейства, ничего хорошаго не предвѣщали. Крестный мой отецъ обыкновенно говорилъ: «А здравствуй! Какъ пожигаешь? Что ни шутъ отецъ и мать? Что подѣливаешь на службѣ?» Въ словахъ этихъ не слышно было никакого особеннаго участія, и они держали меня въ постоянномъ и холодномъ отдаленіи. Случалось даже, что, выслушавъ мои короткіе отвѣты, онъ говорилъ: «Ну, братъ, мнѣ некогда; ступай къ Варварѣ (такъ звалъ онъ свою жену) и оставайся обѣдать.» Весьма естественно, что такие пріемы не могли нравиться молодому человѣку, и я намѣревался уже ограничить мои посѣщенія двумя - тремя праздничными визитами въ годъ, какъ вдругъ случилась слѣдующая перемѣна. Пришелъ я

одинъ разъ къ Дмитрію Борисовичу довольно рано поутру; онъ велѣлъ меня провести въ свой кабинетъ и сказалъ, что сейчасъ придетъ. Я бывалъ въ этомъ кабинетѣ при другихъ, и мало обращалъ вниманіе на окружающіе меня предметы; теперь же, отъ нечего дѣлать, я началъ все рассматривать, и мнѣ кинулась въ глаза небольшая картинка, висѣвшая надъ письменнымъ столомъ моего крестнаго отца; я подошелъ поближе и увидѣлъ, что это былъ видъ деревни «Званки» и сельского дома Гаврила Романыча Державина; внизу находились слѣдующіе четыре стиха:

Средь сихъ лѣсовъ, болотъ и ржавинъ,
Съ безсмертнымъ эхомъ вѣчныхъ скалъ,
Безсмертны пѣсни повторялъ
Безсмертный нашъ пѣвецъ, Державинъ.

Картина была нарисована водяными красками и кѣмъ-то подарена Дмитрію Борисовичу, кажется женщиной. Кѣмъ написаны стихи — до сихъ поръ не знаю. Я былъ страстнымъ почитателемъ Державина; забывшись, съ восторгомъ и довольно громко, повторялъ я эти четыре стиха наизусть, не замѣтивъ, что крестный отецъ стоялъ уже за мною. «А, братъ, ты видно любишь старика!» сказалъ онъ, и я, покраснѣвъ до ушей, съ волненiemъ высказалъ все, что чувствовалъ и думалъ о Державинѣ, прибавя, что знаю все его стихи наизусть. Хозяинъ изъ любопытства сдѣлалъ мнѣ экзаменъ, и я прочелъ ему двѣ - три піэсы, декламируя на пропалую, по-студентски. «Ого, братъ, сказалъ съ усмѣшкой мой крестный отецъ, — да ты не вздумай въ актеры!» Онъ посадилъ меня возлѣ себя, чего прежде не дѣлалъ, и рассказалъ про свое знакомство съ Державинымъ, прибавя, что онъ «не только великий стихотворецъ, приносящий честь и славу своему отечеству, но и честный саповникъ, и добрѣйший человѣкъ, и что все, что говорятъ про него дурнаго, выдумка подлыхъ клеветниковъ и завистниковъ.» Съ этого счастливаго утра, я сталъ сближаться съ моимъ крестнымъ отцомъ. Самъ ли онъ того

пожелалъ, или я, найдя въ немъ сочувственную себѣ струну, сталъ искать его расположения — не знаю, только черезъ полгода, онъ уже охотно, хотя безъ особенной ласковости, иногда долго говорилъ со мной о своей прежней и настоящей службѣ, объ общественныхъ отношеніяхъ, и горько сѣтовалъ, что мало честныхъ людей, не на словахъ, а на дѣлѣ. Дмитрій Борисовичъ жилъ на Фонтанкѣ, въ каменномъ домѣ, или лучше сказать въ третьей части дома, принадлежавшаго его женѣ (урожденной Полторацкой) и сестрамъ ея, Сухаревой и Олениной. Принадлежность владѣнія обозначалась разностю красокъ. Часть Мертваго была палеваго цвѣта. Изъ залы былъ балконъ на набережную; на немъ любилъ сидѣть Дмитрій Борисовичъ, а иногда сиживалъ съ нимъ и я. Однъ разъ онъ сказалъ мнѣ, указавъ пальцемъ: „Видиши ли ты этого господина, который ташится по набережной, такъ гадко одѣтый?“ Я отвѣчалъ, что вижу. — „Это великой человѣкъ! Это нищій, которому казна должна миллионъ, истраченный имъ для чести и славы отечества. Это адмираль Сенявинъ!“ А какъ онъ въ это время поравнялся съ нами, то Дмитрій Борисовичъ назвалъ его по имени и сказалъ ему: „зайди ко мнѣ“. Адмираль зашелъ. Мы всѣ трое пошли въ кабинетъ. Я, разумѣется, пошелъ по приглашенію хозяина. Сенявинъ пробылъ съ часъ; просто и открыто говорилъ онъ о своемъ крайнемъ положеніи, объ оскорбленахъ, имъ получаемыхъ, о своихъ надеждахъ, что когданибудь заплатятъ же ему и всѣмъ офицерамъ призовыя деньги, издержаныя ими на флотъ (этимъ дѣломъ занималась тогда особая комиссія). Адмираль ушелъ (*). Не утверждаю, но мнѣ показалось, что Дмитрій Борисовичъ досталъ деньги изъ ящика и тихонько отдалъ ихъ своему гостю и давнишнему приятелю. Рассказъ адмирала произвелъ на меня такое глубокое и

горькое впечатлѣніе, которое никогда нельзя забыть. Крестный отецъ доска-
залъ мнѣ всю исторію Русскаго съ ногъ до головы, славного нашего адмирала; раз-
сказалъ и положеніе, до котораго онъ
былъ доведенъ. „Сенявинъ“, прибавилъ
онъ въ заключеніе, доведенъ до того,
что умеръ бы съ голоду, если бы не за-
нималъ денегъ, покуда безъ отдачи, у
всякаго, кто только дастъ, — не гну-
шаешь и синенькой; но у него есть кни-
га, гдѣ онъ записываетъ каждую ко-
пѣйку своего долга, и конечно распла-
тится со всѣми, если когданибудь по-
лучить свою законную собственность“.

Въ 1809-мъ году я уѣзжалъ въ от-
пускъ въ Оренбургскую губернію и во-
ротился въ Петербургъ въ первыхъ чис-
лахъ января 1810-го года. Крестный отецъ встрѣтилъ меня уже не холодно по-
прежнему, а напротивъ, очень ласко-
во, и даже съ нѣкоторымъ чувствомъ.
„Ну, братъ, сказалъ онъ мнѣ одинъ
разъ, — кажется надобно будетъ службу
бросить.“ — „Отчего же? спросилъ я съ
удивленіемъ. Вы сами знаете, что при-
носите много пользы, и что государь
объ васъ самаго лучшаго мнѣнія?“ —
„Это правда, отвѣчалъ Дмитрій Борисо-
вичъ, да бывшій непосредственный на-
чальникъ мой, графъ Аракчеевъ, всегда
меня гнавшій, поставилъ меня въ та-
кое унизительное и вредное для меня и
службы положеніе, что выйти въ от-
ставку, даже прогнавъ государя, сдѣ-
лалось необходиностью. Гр. Аракчеевъ
всегда не любилъ меня; но особенно воз-
ненавидѣлъ за то, что я запретилъ Вар-
варѣ Марковнѣ продолжать знакомство
съ г-жею П., его фавориткой. Моя жена
могла быть знакома съ этой дрянью,
какъ и со многими другими; но какъ
скоро эта дрянь сдѣлалась всемогущею
ссобою у моего начальника, то моя жена
уже не должна быть съ нею знакома.
Г-жѣ П. уже отказывали три раза, она
все продолжалаѣздить; въ четвертый я
велѣлъ отказать такъ, чтобы она уже
болѣе не прїезжала. Какъ нарочно такъ
случилось, что сидѣль я на извѣстномъ
тебѣ балконѣ, и со мной была Варвара

(*) Деньги точно были заплачены, только не
измѣни, при жизни ли адмирала.

Марковна; вдругъ подѣжаетъ открытая коляска, въ ней сидѣла г-жа П. Я не позволилъ женѣ уйтти съ балкона, позвалъ человѣка и громко сказалъ ему, такъ что пріѣхавшая гостиа все до слова слышала: „скажи, что барыни нѣтъ дома“. Г-жа П. пересталаѣздить, и тутъ-то началось злобное преслѣдованіе меня. Прежній начальникъ, переставъ быть моимъ непосредственнымъ начальникомъ, сохранилъ всю свою силу и вмѣшивался во всѣ дѣла“.

Недѣли черезъ двѣ я пришелъ къ Дмитрію Борисовичу и хотѣлъ пройдти къ нему въ кабинетъ уже безъ доклада; но человѣкъ сказалъ мнѣ, чтоѣдѣль я подождалъ, потому что въ кабинетѣ какоито генералъ, и что туда не приказано никому входить. Я какъ-то почувствовалъ, что это не даромъ, и сталаѣдѣль дожидаться въ сосѣдней комнатѣ. Наконецъ дверь отворилась, и Дмитрій Борисовичъ, провожая генерала, спокойно, холодно и громко сказалъ: „И такъ доложите его сіятельству, что я не могу входить въ объясненіе по такимъ словеснымъ замѣчаніямъ. Если ему угодно будетъ сдѣлать ихъ на бумагѣ, то я стану оправдываться. Впрочемъ, зная, что я лично не нравлюсь его сіятельству, я уже давно подалъ просьбу обѣ отставкѣ, которая лежитъ у ministra. Я не хочу вредить мѣсту, которое занимаю, и губить себя безъ всякой вины“. — Дмитрій Борисовичъ рассказалъ мнѣ, что это уже не въ первый разъ, что его бывшій начальникъ имѣлъ дерзость дѣлать ему выговоры черезъ своего адъютанта, что, разумѣется, онъ его не сталаѣдѣль слушать, и что вотъ наконецъ онъ прислалъ съ тѣмъ же своего фаворита, генерала Кашевича. „Дѣлать нечего, надо рѣшительно выйтти въ отставку, сказалъ онъ, — тутъ пользы не сдѣлаешь, а только наживешь

больше враговъ и долговъ, а у меня и такъ уже довольно и тѣхъ и другихъ“. Дѣйствительно, Дмитрій Борисовичъ вскорѣ оставилъ службу.

Прошло нѣсколько лѣтъ, въ продолженіе которыхъ совершились вѣковыя, достопамятныя события 1812-го года, и я даже не знаю, где жилъ въ это время мой крестный отецъ. Я увидѣлся съ нимъ уже въ 1816-мъ году, въ Москвѣ, въ собственномъ его домѣ, у Красныхъ воротъ, въ приходѣ Трехъ Святителей(*). Онъ не былъ еще тогда сенаторомъ; но говорилъ мнѣ, что желалъ бы занять эту должность. Всѣмъ известно, что впослѣдствіи онъ занималъ ее. — Я уѣхалъ въ Оренбургскую губернію на десять лѣтъ и не видался уже болѣе съ моимъ крестнымъ отцомъ, скончавшимся въ 1824-мъ году.

Вотъ все, чѣо сохранила моя память обѣ одномъ изъ достойнѣйшихъ людей прошедшаго времени.

1857 г. Января 20-го

Москва.

(*) Эта домъ стоить самимъ оригинальнымъ образомъ: онъ не на улицѣ, не въ переулкѣ и не на площади — къ нему ведеть особый проѣздъ, точно какъ въ чувашскихъ деревняхъ. Въ этомъ домѣ, принадлежащемъ послѣ кончины Дмитрія Борисовича Мертваго, сначала А. П. Елагиной, а потомъ покойному сыну ея, Ивану Васильевичу Кирѣевскому, домъ, воспѣтъ звучными стихами Языкова, — много лѣтъ собирался извѣстный кругъ московскихъ литераторовъ и ученыхъ. Сколько глубокихъ мыслей, свѣтлыхъ взглядовъ, честныхъ порывовъ любви къ просвѣщенію и литературѣ было высказано и принято въ этомъ домѣ! ..... И какъ не много осталось въ живыхъ изъ прежнихъ его посѣтителей! Въ числѣ самыхъ горькихъ и сиѣжихъ утратъ находятся достойные и незабываемые братья, И. В. и П. В. Кирѣевские.